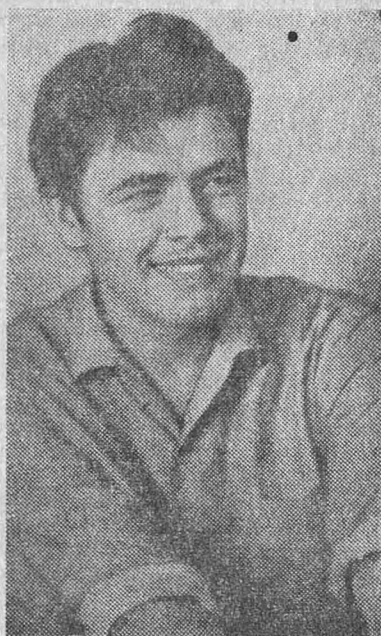

Знакомьтесь: ГОСТИ БРЯНСКА

ЮРИЙ ГУЛЯЕВ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ

В 1959 году молодой певец Донецкого оперного театра Юрий Гуляев, участвуя в конкурсе вокалистов разных стран в рамках Венского всемирного фестиваля молодежи и студентов, стал победителем этого конкурса и завоевал золотую медаль. Чтобы вполне оценить, что это значило, надо знать, что среди соперников Юрия по конкурсу были такие знаменитые певцы, как румын Кония, ленинградец Борис Штоколов. Оба они были удостоены лишь серебряных наград.

Каким был путь Юрия к этой блистательной победе? Может, он — баловень судьбы и, подобно Георгию Отсу, в первом классе уже пел куплеты Тореадора? Или, наоборот, путь его к певческой славе был тернист и неровен? Это я и пытаюсь выяснить, беседуя с певцом в его номере в брянской гостинице «Центральная».

У Юрия Гуляева простое, открытое лицо, широкая, подкупающая улыбка. И он почему-то внешне ничем не походит ни на артиста, ни тем более на знаменитость.

Сию, слушаю, смотрю и попеременно пытаюсь представить себе собеседника то барственно-пресыщенным Онегиным, то купающимся в блеске славы Эскамильо, то лукаво-бравурным Фигаро. Не получается! Между тем хорошо знаю: и Онегин, и Эскамильо в «Кармен», и Фигаро в «Севильском цирюльнике», и еще Елецкий в «Пиковой даме», и Ренато в «Бал-маскараде», Валентин в «Фаусте», и Януш в «Гальке» — все это разные обличья вот этого простого молодого русского парня, сидящего передо мной. Да сколько же ему лет, когда было успеть все это?

— Лет? — смеется Юрий Александрович. — Лета уже хочется порой скрыть...

Да, молодо, молодо выглядят Юрий Гуляев для своих тридцати шести лет. А я-то думал, двадцать восемь, ну, тридцать! А лицо... Что ж, видно, как раз такому лицу, лишенному характерности, можно с помощью грима придать любые черты: и нечеловеческие, и херувимские. Об этом не раз говорил Шалапин, объясняя секрет своего сценического перевоплощения.

И Шалапин, и «король баритонов» Баттистини, и другие прославленные певцы вспоминались мне в ходе этой беседы несчетное число раз — по самым различным ассоциа-

циям. Вот хотя бы, когда зашла речь о карьере артиста.

Думал ли Юрий Гуляев в ранней молодости, что станет певцом, и известным певцом?

Нет. Правда, музыку тюменский парнишка Юра Гуляев любил столько, сколько он себя помнит. Кончил в родном городе Тюмени музыкальную школу, а затем музыкальное училище по классу баяна, пел в самодеятельных концертах в школе, слышал похвалы. Но в возможность стать профессиональным певцом ни сколько не верил.

И, окончив среднюю школу, поступил в Свердловский медицинский институт (ну как тут было не вспомнить: Собинов кончал юридический факультет университета; изучал юриспруденцию Баттистини; готовился стать инженером Борис Гмыря...).

— Но, — рассказывает Гуляев, — на первом же курсе вступил в неразрешимый конфликт с анатомией, латынью и прочими премудростями медицинской науки. И, поддерживаемый настоящими друзьями, рискнул поступить в консерваторию.

— Знаете, какая это была радость, когда меня приняли!

Увы, радостное настроение подерживалось недолго. Через год Юрий всем своим существом ощутил, что попасть в консерваторию — это еще далеко не все. Программа требовала от студента определенных успехов, а они не приходили... Юрий был одним из самых неуспевающих и бесперспективных. Годы три, вспоминает он, были отмечены горькой обидой на судьбу. О пении я уже не мечтал.

Перелом наступил на четвертом году. Как-то незаметно один из последних студентов стал выравниваться, у него начала появляться уверенность в себе.

— И какая же, — вспоминает Гуляев, — наступила для меня радостная пора! Понимаете, одно дело, когда человек сразу схватит бога за бороду, и совсем другое, когда, будучи раздавленным судьбой, он вдруг воспрянет духом, поверит в себя! Так было со мной. И от этого каждый, даже небольшой, успех казался мне огромной победой. вызывал невероятно радостное ощущение.

В 1956 году Юрий Гуляев получил приглашение в Донецкий оперный театр, где за пять лет Юрий подготовил и спел чуть ли не все основные партии баритонового репертуара.

Редкостно счастливыми оказались для Юрия 1959—1960 годы. Победа в Венском конкурсе, участие в декале украинской литературы и искусства в Москве и вслед за этим присвоение почетного звания заслуженного артиста республики, приглашение в Киевский театр оперы и балета, где Юрий Гуляев поет уже пять лет.

Работу в опере Юрий Александрович сочетает с большой концертной деятельностью. «Очень люблю, — говорит он, — камерные концерты». Сейчас Гуляев готовит программы пяти сольных концертов, с которыми ему предстоит в этом году выступить в Москве: двух концертов в зале имени Чайковского и трех — в Большом зале Московской консерватории. В программе одного из них — произведения Рахманинова и Свиридова.

— Влюблен в Свиридова, — говорит певец. — В нем удивительно органично сочетаются русский характер и современное музыкальное мышление. Помните, «Гармоника играет» на слова Александра Прокофьева, «На земле живут лишь раз» — Сергея Есе-

нина, «Финдлей» и «Честь бедности» — Бернса?

И, видно, не желая отказать себе в удовольствии вспомнить излюбленные мелодии, Юрий начинает вполголоса напевать. Сперва «Гармоника», потом Есенина, потом «Финдлей»...

На стадионе Юрий пел песни советских композиторов. Пел так, что на его долю выпал, пожалуй, самый шумный успех. И в этом сказались не только мастерство артиста, его великолепные вокальные данные, но и горячая любовь к песне. Песни, по мнению Юрия Александровича, не должен чураться ни один оперный певец. Это обогащает и певца, и слушателей. «И еще в этом есть доля «дипломатии». Вот меня широкая публика знает как исполнителя песен. А придут и слушают все: и оперные артисты, и камерные произведения. И обретают к ним вкус».

Гуляев много ездит. Он пел в Венгрии и Югославии, Чехословакии и на Кубе, в Бельгии и Швейцарии, Канаде и Франции. Полтора месяца его слушали парижане.

При всем при том видно, что он остался тем же хорошим, простым парнем, каким его знали в ту пору, когда ни он, ни окружающие не могли и предполагать в нем народного артиста, замечательного певца.

А. МИРОНОВ.
Фото автора.